

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІХ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

О ФОРМАХ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В ХАЛХЕ В НАЧАЛЕ ХУП ВЕКА
(по материалам "18 степных законов")

Памятник монгольского феодального права, представляющий собой записанные на берестяных листах 18 законов, принятые на сеймах халхаских феодалов в конце XVI – первой трети ХУП в., был обнаружен на территории МНР в 1970 году. До сих пор он редко привлекается исследователями истории и права Монголии.

Значимость этого памятника определяется в первую очередь тем, что время его составления относится к одному из самых малоизученных периодов истории Монголии. Как юридический документ, он довольно точно отразил положение дел в Халхе в конце XVI – первой трети ХУП в. Учитывая, что в составлении уложений участвовали представители различных районов Северной Монголии, представляется возможным считать нормы, закрепленные в них, действовавшими на всей ее территории.

Будучи самым ранним крупным памятником монгольского феодального права после Ясы Чингисхана, данные законодательства могут по праву занять видное место в истории правотворчества монголов.

Эти и другие факты, позволяющие осветить ряд сторон жизни Халхи, дают право отнести "18 степных законов" к ценнейшим источникам по истории Монголии.

В настоящей статье представлен опыт анализа форм социального протеста в Халхе в начале ХУП в., отраженных в "18 степных законах".

В тексте исследуемых законодательств отсутствует прямое указание на степень развития различных форм социального сопротивления населения Халхи, об этом можно судить лишь по косвенным данным.

Наиболее часто упоминаемой и, видимо, широко распространенной формой протеста является срыв уплаты податей. Известно, что на плечи трудового населения тяжелым бременем ложилось обеспечение всем необходимым своего господина, различного рода поборы, поставки для уртонной (почтово-ямской) службы. В "18 степных законах" говорится о громадном количестве различных гонцов и посланников, проезжающих через халхаские хошуны: это гонцы, следующие по "Трем делам" (объявление войны, болезнь высокопоставленного лица, ссора двух нойонов), извещающие об облавной охоте, посланцы учителей, гонцы за беглецами, едущие за долгом, гонцы

с приказами лам, нойонов, объявляющие о собраниях и т.п. Становится понятным, почему практически в каждом из 18 законов имеются статьи, предусматривающие наказания именно за противление уртонной службе. В ст. 44 закона "Шести хошунов" (вторая половина XVI в.) говорится: "Человек, прервавший выплату продовольствия и подвод ..., лишается 50 голов скота всех видов". /I, 81/. Строгость наказания в таких случаях определялась степенью знатности пострадавшего и важностью той или иной подати для государства. На этот счет в ст. 3 "Большого закона года обезьяны" (1620 г.) сказано: "Если простолюдин прекратит повинность по "Трем делам", то его движимое и недвижимое имущество конфисковать. Если не дать подводу для другого дела, то с виновного взять одну лошадь". /I, 100/.

Следующей распространенной формой социального протеста аратства был побег. Такая примитивная форма борьбы вообще присуща феодализму; в монгольском обществе она сохранялась, видимо, вплоть до XIX в., так как в уложении XVIII в. "Халха Джирум" также имеется довольно большое число статей, определяющих наказание беглецам. В рассматриваемом памятнике различаются беглецы, отправляющиеся в Семь хошунов, в Четыре хошуна, беглецы, отправляющиеся к врагу. Различаются также беглецы с запасной лошадью и без нее: "Если пришли беглецы с запасной лошадью и без нее, то у кого она есть, у того взять этого коня. Коня берет человек, задержавший беглецов", - говорится в ст. 36 закона "Шести хошунов" (вторая половина XVI в.). Кстати, в приведенной статье отразилась традиционно важная для монгольского феодального права роль участника задержания преступника.

Бежали не только одиночки, были и многосемейные побегии. Беглецов старались возвращать хозяевам. Об этом свидетельствует ряд интересных статей: "За беглецом, отправившемся в другой хошун, послать гонцов всех хошунов. Если не пошлет какой-нибудь хошун, взять с его главы двух лошадей", - ст. 56 закона "Шести хошунов" (вторая половина XVI в.). "Если нойон узнает беглеца из других мест, его т.е. беглеца следует схватить. Тому нойону хозяину вернуть," - ст. 6 небольшого закона года железа-свиньи (1611 г.). "Если в пределы Четырех хошунов забредет беглец, все хошуны, договорившись, должны выдать его обратно", - ст. 5 закона года огня-дракона (1616 г.).

Законом запрещалось подвергать беглеца мучениям, ослушавшийся подвергался довольно крупному штрафу в три девятка /I, 85/ (девятка - единица штрафа скотом: 4 головы крупного скота и 5

голов мелкого, обычно овцы).

В "18 степных законах" не определяется наказание пойманным и возвращенным беглецам. Интересна в этом отношении ст. 6 закона 1616 г.: "Беглец должен привести весь заблудившийся скот. Если не приведет, то будет полностью виновен. Взять с него три девятка" /I, 94/. То есть он считался виновным не так в побеге, как в утере скота, о чем говорит и размер штрафа. На наш взгляд - это очень важная статья, оттеняющая положение арата, раскрывающая систему оценки ценностей монгольского кочевого общества.

Возможен был случай, когда беглеца не удавалось вернуть своему прежнему хозяину, но он и не оставался у нового. В этом случае он считался бродягой и привлекался к ответственности по статье о бродягах: "Если бродяга бродит пять месяцев, его следует наказать. Если бродит менее пяти месяцев - невиновен". - ст. 14 закона конца XVI в.

Хотя нанесение оскорблений не всегда является свидетельством социального протеста, нельзя не упомянуть о них, так как статьи, определяющие наказания за оскорбления не редки в изучаемом памятнике. Особенно обращает на себя внимание суровость наказаний, что говорит о рьяной защите верха общества своего положения "высших". Так за оскорбление чиновника взимался штраф размером в пяток /I, 82/. (пяток - единица штрафа скотом: 2 головы крупного скота и 3 мелкого, обычно овцы). "Если простолюдин оскорбит человека ханского происхождения или его жену, то его убить, а скот конфисковать", - говорится в ст. 20 "Закона Шести хошунов" (вторая половина XVI в.).

Кроме оскорбления словом, судя по упоминанию их в законах, нередки были случаи оскорбления действием. Так в ст. 18 "Большого закона" 1620 г. говорится: "Если кто оскорбит действием привилегированного человека, с того взять три девятка" /I, 101/.

Говоря об отражении форм социального протеста в "18 степных законах" необходимо привести еще одну, чрезвычайно важную статью: "Если в каком хошуне случатся беспорядки, то направить [туда] двух гонцов из [каждого] хошуна. Если какой хошун своих гонцов не пошлет, то следует взять [с его главы] одного верблюда и двух лошадей...", - это ст. 9 "Большого закона" 1620 г.

Что было источником этих беспорядков: аратские выступления или же неподобающее поведение чиновников или нойонства, остается неизвестным. Если речь идет о первом, то можно высказать предположение, что политическая жизнь монгольского общества в начале XVII в. не была такой уж застойной и спокойной, как это принято

считать. Кроме того, интересно обратить внимание на то, что для ликвидации беспорядков в одном из хошунов привлекались представители всех районов Халхи.

Перечислив основные формы социального протеста, упомянутые в "18 степных законах", интересно будет определить какая же из форм считалась законодателями наиболее социально опасной. Представляется, что это можно сделать, сравнив меры наказаний за различные его проявления.

Нетрудно заметить, что самое суровое наказание - смертная казнь - полагалось за оскорбление простолюдином человека ханского происхождения. Это и понятно, поскольку оно рассматривалось как прямое покушение на достоинство, а то и саму жизнь "высокой персоны". Подобные нормы были общими для права любого классового общества, особенно с монархическими формами правления.

Следующим по суровости наказания был отказ простолюдина от выполнения повинности по "Трем делам", который, как уже говорилось, карался конфискацией всего "движимого и недвижимого" имущества. Это положение особенно важно, если рассматривать его как прямое подтверждение стремления халхаских князей обеспечить выполнение общегосударственного дела.

В заключение хотелось бы обратить внимание на еще один интересный момент. Ни в одном из 18 законов нет статьи, предусматривающей наказание или как-то раскрывающей случаи выражения протеста со стороны рабов, хотя сами рабы упоминаются в законах, в частности, в ст. 24 закона "Шести хошунов" (вторая половина XVI в.). На наш взгляд это можно объяснить следующим образом. Или рабы включались в понятие "простолюдин", что, впрочем, маловероятно, или случаи проявления протеста со стороны рабов, по причине малочисленности этой группы населения, не привлекли к себе внимание законодателей. Но более вероятно, что это объясняется тем, что взаимоотношения рабов и их хозяев не входили в рамки законодательства и контролировались нормами обычного права.

Итак, хотя мы не имеем сведений из истории Монголии XVI-XVII вв. о каких-либо крупных аратских антифеодальных выступлениях, являющихся неотъемлемой чертой развитого феодального строя, нельзя не учитывать те формы социального сопротивления, которые хотя бы косвенно отражены в "18 степных законах". Нужно только помнить о специфике кочевого скотоводческого хозяйства, сыгравшего решающую роль в определении основных форм антифеодального протеста аратов.

I. Х.Пэрлээ. Халхын шинэ одсон цааз эрхэмийн дурсгалт бичиг
(Вновь открытый памятник халха-монгольского права). - М.Н.
Т. VI, ф. I, Улаанбаатар, 1974, с. I-II4.

М.И.Никитина

ОБ ОДНОЙ ИЗ РАЗНОВИДНОСТЕЙ РИТУАЛА В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ОБЩНОСТИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В КУЛЬТУРАХ СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В сообщении рассматривается одна из разновидностей ритуала, отражающего начальные эпизоды мифа о Женщине-Солнце и ее родителях, который, как мы предполагаем, был актуален для древней культуры Кореи, Японии, Китая и ряда других стран. В мифе пара родителей - Черепаха и Змей/Дракон, живущая в море, зачинает Дочь-Солнце. Черепаха выплевывает ее, взрастив в своей голове в качестве предмета - красной яшмы, цветка, жемчужины и т.д. Это - этап предварительного рождения солярного божества.¹

В дальневосточной культуре существует также "мужская" параллель этому мифу: те же родители производят на свет мужское божество вначале в качестве предмета - бамбука, железной палки и т.д. Взаимоотношение этих двух вариантов мифа в настоящее время не ясно - входят ли они в состав единого мифа (? мифологического цикла), предусматривающего рождение брата и сестры, или это независимые, но сходные мифы? Нет достаточной ясности и в том, что за божество рождается в мужском облике - солярное, лунное или божество злаков, поскольку имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать любое из этих предположений. Во всяком случае, мужское божество в ритуале рождается по тому же "сценарию", что и Женщина-Солнце. Оба варианта мифа сохранились только в ритуале, представленном множеством разновидностей. Так, в роли Родительницы-Черепахи могут выступать гора, скала, остров, корова, поле, дорога, мост, храм и т.д. В роли Отца-Змея - старец-жрец в одежде нищего, молодой монах, меч, пояс и т.д. Производительный же акт в числе прочего может реализоваться в фиксированном шаге жреца, наступающего ногой на вершину скалы, ступающего по середине дороги и т.д., воплощающего в этот момент одноногого бога (Змея). Отсюда значимыми оказываются ступня жреца, след, ею оставленный, сапог или иная обувь. Именно эта разновидность ритуала и рас-